

**ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ
МИГРАЦИОННОГО
КОНТРОЛЯ
В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ:
ПЕРВЫЕ ШАГИ
ПО ФОРМИРОВАНИЮ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
ИЗМЕРЕНИЯ
ПРОСТРАНСТВА СВОБОДЫ,
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРАВОСУДИЯ**

Ю. А. Рябов*

На протяжении последних двух десятилетий формирование пространства свободы, безопасности и правосудия — одна из самых динамичных областей европейской интеграции. При этом наибольший интерес представляют внешнеполитические аспекты данного процесса как затрагивающие не только внутреннее развитие ЕС, но и значительное число третьих стран, включая Россию. Усилия по ограничению притока иммигрантов и беженцев рассматриваются как важнейшая составная часть внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия — самостоятельного вектора внешней политики интеграционного объединения. В качестве теоретической основы использованы работы представителей Парижской школы исследований безопасности, в которых были концептуализированы понятия о комплексе угроз Евросоюзу в форме постулируемой взаимосвязи между иммиграцией, терроризмом, предоставлением политического убежища, преступностью, этнически окрашенными беспорядками. В свою очередь, экстернализация вышеуказанных угроз (то есть придание им статуса внешних по отношению к ЕС) рассматривается как ключевая предпосылка для дальнейших действий по их нейтрализации за пределами интеграционного объединения (экстернализация миграционного контроля). Систематизированы представления о действиях Евросоюза как актора международных отношений по ограничению притока иммигрантов и беженцев в период с конца 1980-х до обретения наднациональными органами формальной компетенции в сфере юстиции и внутренних дел. Сделан вывод о том, что в 1990-е гг. ЕС заложил основы политики, позволившей в дальнейшем перенести часть бремени по обеспечению своей безопасности на третьи страны.

* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, 82.

Поступила в редакцию 27.07.2011 г.

Ключевые слова: иммиграция, политическое убежище, экстернализация миграционного контроля, виза, безопасная третья страна, безопасная страна происхождения.

Внешнеполитическое измерение пространства свободы, безопасности и правосудия (ВИ ПСБП) представляет собой самостоятельное направление внешней политики Европейского союза (ЕС), сложившееся в ответ на угрозы транснационального характера. Оно нацелено на их нейтрализацию посредством активного распространения *acquis communautaire* (комплекс нормативно-правовых актов ЕС) в сфере юстиции и внутренних дел (ЮВД) на страны-нечлены ЕС.

Первые шаги по формированию ВИ ПСБП традиционно связывают с необходимостью противодействовать нелегальной иммиграции. Это обусловлено не только ее влиянием на национальную идентичность (в отдельных странах Европы доля иностранцев в населении составляет двузначные числа [1, с. 46]), но и в первую очередь центральным местом, которое она занимает в «континууме безопасности» — представлениях о комплексе угроз безопасности Евросоюзу. В их рамках постулируется, с одной стороны, связь между иммиграцией, терроризмом, предоставлением политического убежища, преступностью, этнически окрашенными беспорядками, а с другой — общность этих угроз для всех стран-членов ЕС и их внешний (и даже чужеродный) характер по отношению к интеграционному объединению [2, р. 258—259].

Последний тезис сыграл ключевую роль в принятии комплекса мер внешнеполитического характера, направленных на ограничение притока иммигрантов и беженцев. Суть этих мер, которые в научной литературе обычно обобщают понятием «экстернализация миграционного контроля» (*externalisation, remote control, police à distance*), нашла выражение в двух феноменах. Во-первых, в переносе контроля за иммигрантами и (потенциальными) беженцами с внешних границ государств-членов Европейского сообщества непосредственно в страны, являющиеся «источниками нежелательных лиц». Во-вторых, в вовлечении третьих стран в процесс миграционного контроля ЕС путем возложения на них ответственности по реадмиссии (то есть возвращению и приему) и рассмотрению ходатайств о предоставлении политического убежища тем лицам, которые незаконно проникли через их территорию в интеграционное объединение [3, р. 334; 4, р. 22—37].

Важным представляется и тот факт, что экстернализация миграционного контроля стала осуществляться еще до обретения наднациональными органами формальной компетенции в сфере юстиции и внутренних дел (введена Амстердамским договором 1997 г.) и до формирования ВИ ПСБП в результате принятых решений на Европейском совете 15—16 октября 1999 г. в г. Тампере (Финляндия). Основную роль в этом процессе сыграла деятельность структур, которые разработали текст Шенгенской конвенции 1990 г., а также рабочей группы *ad hoc* по иммиграции, созданной в октябре 1986 г. для подготовки предложений по борьбе с «непрекращающимся злоупотреблением правом на политическое убежище» [5, р. 416].

Значительная часть мер в рамках экстернализации миграционного контроля напрямую связана с введением в действие 26 марта 1995 г. Шенгенской конвенции. Как известно, этим документом был установлен ряд требований по отношению к иностранцам для законного пребывания внутри «пространства без границ». Речь, в частности, шла о единой визе, дающей право на свободное передвижение внутри шенгенской зоны в течение периода, не превышающего трех месяцев [6, р. 21—23].

Главным внешнеполитическим средством ограничения притока иммигрантов стала гармонизация списков стран, граждане которых должны иметь визу для легального въезда на территорию государств, присоединившихся к Шенгену¹. По данным Д. Биго, если в 1985 г. таких стран было лишь 70, то в дальнейшем их число возросло до 110 (в момент подписания конвенции в 1990 г.), достигнув 126 в 1995 г. в момент введения в действие конвенции для семи первых государств Шенгена (Бельгии, Германии, Люксембурга, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, Франции) [2, р. 132; 7, р. 40].

Следует отметить, что такая гармонизация осуществлялась в большинстве случаев путем увеличения, а не уменьшения числа стран в списке. Так, визовые требования распространились на граждан стран Северной Африки, желающих отправиться в Испанию и Италию; первой также пришлось отказаться от безвизового режима с отдельными странами Латинской Америки (Доминиканской Республикой, Колумбией, Перу, Эквадором), а последней — с Югославией. С другой стороны, по настоянию Германии Венгрия, Польша и Чехия были вычеркнуты из «черного списка», в то время как Болгария и Румыния остались в нем [8, р. 57; 2, р. 132—133].

По убеждению представителей Парижской школы исследований безопасности, виза представляет собой нечто гораздо большее, нежели простую наклейку в паспорт его обладателя, обычный технический препон на пути свободного передвижения людей. Она выступает в качестве важнейшего инструмента, позволяющего держать на расстоянии нежелательных лиц, а список стран, граждане которых должны ею обладать для легального въезда на территорию шенгенской зоны, по своей сути, — список необъявленных врагов, от которых Европейский союз стремится защититься [9, р. 85].

Какой бы важной ни была роль списка стран, граждане которых должны обладать визой для пребывания в ЕС, этот инструмент представляет собой лишь начальный этап в деле ограничения притока иммигрантов. Второй этап связан непосредственно с переходом на индивидуальный уровень: если нахождение той или иной страны в «черном списке» — ярчайший пример недоверия интеграционного объединения, то сам факт получения иностранцем визы рассматривается как «исключение из исключения», восстановление доверия к отдельно взятому индивиду, выделяющемуся на фоне всей остальной «подозрительной» части населения третьей страны. Задача по выявлению представляющих угрозу лиц и, соответственно, по недопущению того, чтобы они получили легальные основания для въезда на территорию шенгенской зоны (то есть визу), лежит на дипломатических и консульских представительствах государств-членов Европейского союза.

Их роль существенно возросла с введением единой визы и некоторой гармонизацией рабочих процедур посредством Общих консульских инструкций. Произошло серьезное перераспределение функций миграци-

¹ Ранее каждое государство-член ЕС самостоятельно формировало список таких стран, не согласовывая его с партнерами по интеграционному объединению.

онного контроля. Если ранее он осуществлялся преимущественно пограничными службами и таможенной непосредственно на внешних границах государств-членов ЕС, то с введением в действие Шенгенской конвенции их роль свелась не к контролю за людьми, а к проверке документов, их соответствия требованиям, а также выявлению случаев откровенных нарушений миграционного законодательства. Другими словами, на внешних границах все реже происходит отбор тех, кто имеет право въехать на территорию шенгенской зоны. В наиболее полной мере вышесказанное относится к гражданам тех стран, которые входят в «черный список», в то время как «классический» пограничный контроль сохраняется для выходцев из стран в «белом списке» [10, р. 6—8].

Основной же контроль за людьми стал осуществляться непосредственно посольствами и консульствами в момент рассмотрения заявок на получение визы, причем с активным использованием данных других членов ЕС относительно «культивируемых» в третьей стране способах мошенничества, с обменом поименными списками благонадежных и неблагонадежных заявителей и туристических агентств, а в ряде случаев и с составлением портрета потенциального нежелательного иммигранта, описанного в терминах пола, возраста, этнического происхождения, религиозных убеждений, места рождения или жительства, уровня доходов и т. д. [11, р. 106—108].

Наконец, перенос контроля за иммигрантами и (потенциальными) беженцами непосредственно в страны, являющиеся «источниками нежелательных лиц» нашел выражение в статье 26 Шенгенской конвенции. В ней члены Шенгена договорились внести в свое законодательство положения, обязывающие перевозчиков быть ответственными за наличие у иностранцев, которых они доставляют на территорию ЕС из третьих государств воздушным, морским или наземным путем, документов для въезда.

Применение данного положения на национальном уровне показывает, что оно оказалось весьма широко истолкованным правительствами. В законах, принятых во исполнение конвенции, речь обычно идет не только о контроле за наличием документов, но и об их проверках на предмет подлинности, действительности (не истек ли срок действия) и соответствия содержащихся в них данных реальности (не являются ли документы фиктивными). Фактически перевозчикам была делегирована государственная функция по миграционному контролю [12, р. 54—58]. Для перевозчиков (прежде всего авиакомпаний) введение Шенгенской конвенции привело не только к увеличению расходов на обучение персонала по определению нелегальных иммигрантов и выплату штрафов, но на первых порах и к более тесному сотрудничеству с органами власти государств Европейского союза. Известны факты, когда авиакомпании были вынуждены прибегать к услугам бывших или даже действующих сотрудников пограничных и таможенных служб для оказания помощи по выявлению фальшивых документов непосредственно на регистрации и при посадке на авиарейсы в наиболее «проблемных» точках [12, р. 64—65].

Наряду с переносом контроля за иммигрантами и (потенциальными) беженцами непосредственно в страны, являющиеся «источниками нежелательных лиц» экстернализация миграционного контроля приобрела форму возложения на третьи страны ответственности по реадмиссии (то

есть возвращению и приему) тех лиц, которые незаконно проникли через их территорию в ЕС. Так, в Декларации о принципах, лежащих в основе внешних отношений и миграционной политики, которая была принята по итогам заседания Европейского совета в декабре 1992 г. в Эдинбурге, провозглашалась необходимость использования реадмиссии как инструмента для борьбы с нелегальной иммиграцией из стран Центральной и Восточной Европы. Это потребовало придания единообразия существовавшим на тот момент практикам в сфере заключения реадмиссионных договоров государствами-членами ЕС. В результате проведенной работы группой *ad hoc* по иммиграции в 1994 г. Совет ЕС утвердил шаблон реадмиссионного договора между государством-членом и третьей страной, а годом позже — и набор положений, регулирующих обычную и упрощенную процедуру реадмиссии (образцы форм для заполнения компетентными органами, способы определения гражданства задержанных лиц и факт пересечения ими границ ЕС и т. д.) [13, p. 20—24; 14, p. 25—33].

Кроме того, в 1996 г. Совет Европейского союза утвердил типовые формулировки статей о реадмиссии незаконных иммигрантов, которые должны были с этого момента включаться во все так называемые смешанные договоры с третьими странами (то есть договоры, сторонами в которых выступает не только Европейское сообщество, но и его государства-члены; к таковым, например, относятся соглашения об ассоциации, партнерстве и сотрудничестве, стабилизации и ассоциации). Ключевым отличием принятых в первой половине 1990-х гг. документов стало существенное расширение обязательств партнеров Евросоюза. Так, предусматривалась возможность включения разрешительной статьи (*enabling clause*, article Y), в соответствии с которой страна X брала бы на себя обязательство заключить с потребовавшим этого государством-членом ЕС двусторонний договор о реадмиссии не только собственных граждан, но и апатридов и граждан третьих стран, незаконно въехавших через ее территорию в интеграционное объединение [15, p. 368; 16].

Наряду с реадмиссией вовлечение третьих стран в процесс миграционного контроля Евросоюза осуществлялось и путем возложения на них ответственности по рассмотрению ходатайств о предоставлении политического убежища. Первым инструментом стало введение в национальную и европейскую практику нормы о безопасной третьей стране (БТС, *safe third country*, *paays tiers sûr*), в соответствии с которой лицу, ищущему политическое убежище (ЛИУ), может быть отказано в рассмотрении ходатайства на том основании, что оно уже имело возможность обратиться за защитой к властям другого государства (через которое оно транзитом проследовало на территорию Евросоюза), однако не сделало этого [17].

На уровне ЕС норма о безопасной третьей стране прямо или косвенно была закреплена в ряде документов, имеющих различный юридический статус.

Во-первых, речь идет о Дублинской конвенции 1990 г., определяющей государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского сообщества. Подготовленная рабочей группой *ad hoc* по иммиграции и подписанная на четыре дня раньше Шенгенской конвенции, в ста-

тье 3.5 она ввела право членов интеграционного объединения переадресовать заявителя, ходатайствующего о предоставлении убежища, к третьему государству согласно положениям Женевской конвенции 1951 г. о статусе беженцев с изменениями, внесенными Нью-Йоркским протоколом 1967 г. [18, р. 4]. Идентичное по сути право содержится в статье 29.2 Шенгенской конвенции, хотя и с более широким указанием на необходимость соответствия международным обязательствам сторон.

Во-вторых, в 1992 г. Совет ЕС, собравшийся в составе министров, ответственных за миграцию, принял юридически необязательные, но имевшие большое значение Лондонские резолюции. В Резолюции о согласованном подходе к вопросам относительно принимающих третьих стран (host third countries) были закреплены общие критерии, на основе которых государствам-членам рекомендовалось оценивать безопасность третьей страны, которой они собирались передать лицо, ищущее политическое убежище:

- 1) отсутствие угрозы жизни и свободе ЛИУ в такой стране;
- 2) отсутствие риска для ЛИУ подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению;
- 3) установленный факт неиспользованных ЛИУ возможностей подать ходатайство о защите в какой-либо третьей стране до прибытия в ЕС;
- 4) наличие гарантий того, что ЛИУ не подвергнется высылке в ту страну, где он опасается преследований и которую он покинул в поисках политического убежища [19]. Видно, что в критериях отсутствуют такие важные элементы, как наличие иных более устойчивых (нежели простой транзит) связей с безопасной третьей страной или согласие ее властей принять потенциального беженца (то есть норма о БТС представляет собой одностороннюю меру ЕС). Последняя проблема решалась обычно за счет заключения реадмиссионных договоров, хотя с формальной точки их распространение на лиц, ищущих политическое убежище, редко бросалось в глаза [20, р. 79].

Вторым инструментом возложения ответственности на третьи страны стало введение в национальную и европейскую практику нормы о безопасной стране происхождения (БСП, safe country of origin, pays d'origine sûr). При этом под БСП подразумевались третьи страны, в которых отсутствовали угрозы преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политическим убеждениям. Это означало, что граждане таких стран могли быть высланы на родину, а их ходатайства о предоставлении политического убежища в государстве-члене ЕС отвергнуты, причем без всяких аргументов.

На уровне Евросоюза эта норма была закреплена в Лондонских резолюциях 1992 г. Первая из них — о странах, где в целом не существовало серьезного риска преследований, — ввела не только соответствующее определение, но и критерии, служащие основанием для включения в такой список. Государствам-членам Европейского сообщества рекомендовалось учитывать следующие элементы:

- 1) численность ЛИУ в предыдущие годы и долю лиц, признанных беженцами, от обратившихся с соответствующим ходатайством из третьих стран, «претендующих» на право называться БСП;

2) степень соблюдения прав человека (присоединение к соответствующим международным договорам, их соблюдение на практике, готовность сотрудничать с международными неправительственными организациями по вопросам защиты прав человека);

3) уровень развития демократических институтов (выборов, плюрализма, свободы слова и судебных средств их защиты);

4) стабильность трех вышеперечисленных элементов и риск их неожиданного изменения в будущем [21].

Вторая Лондонская резолюция позволила государствам-членам ЕС либо признавать ходатайства о предоставлении политического убежища от граждан «безопасных стран» явно необоснованными, и на этом основании отвергать их, либо применять для их рассмотрения ускоренные процедуры [22]. Такие процедуры на практике могли означать, что ЛИУ лишались возможности пользоваться бесплатной юридической помощью или общаться с представителями неправительственных организаций по защите прав беженцев. В ряде случаев ускоренные процедуры подразумевали принятие решения компетентными службами исключительно на основе представленных документов без индивидуального собеседования с заявителем, а также невозможность подачи апелляций в случае отказа предоставить защиту в Европе [23].

Таким образом, экстернализация миграционного контроля привела к изменению смысла понятия границы для граждан третьих стран. С ее существованием они отныне сталкиваются задолго до прибытия на пограничный пункт, последовательно «активируя» различные виды контроля — в консульском представительстве страны-члена Евросоюза при подаче документов для получения визы, при регистрации на авиарейс (а иногда при посадке в самолет и покупке билета), наконец, при прохождении паспортного контроля по прибытии на территорию Европейского союза. Кроме того, за счет пусть и не совсем однородного применения государствами-членами норм о БТС и БСП ряд третьих стран оказались вовлечены в процесс миграционного контроля в интересах и даже «по поручению» Брюсселя и на условиях интеграционного объединения.

Список литературы

1. *Косов Ю. В.* Роль Римского договора в европейской интеграции // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 46—50.
2. *Bigo D.* Polices en réseaux. L'expérience européenne. P., 1996.
3. *Lavenex S.* Shifting up and out: the foreign policy of European immigration control // *West European Politics*. 2006. Vol. 29, № 2. P. 329—350.
4. *Guild E., Bigo D.* Le visa Schengen: expression d'une stratégie de «police» à distance // *Cultures & Conflits*. 2003. № 49. P. 22—37.
5. *Icard P.* Immigration, mondialisation: histoire d'un paradoxe communautaire // *Revue du droit de l'Union européenne*. 2003. № 2. P. 409—456.
6. *Convention d'application de l'Accord de Schengen du 14 juin 1985 entre les gouvernements des États de l'Union économique Benelux, de la République fédérale d'Allemagne et de la République française relatif à la suppression graduelle des contrôles aux frontières communes* // *Journal officiel des Communautés européennes*. 2000. 22 sept. № L 239. P. 19—62.

7. King M. Le contrôle des différences en Europe: l'inclusion et l'exclusion comme logiques sécuritaires et économiques // Cultures & Conflits. 2001. № 26—27. P. 35—49.
8. Meloni A. Visa policy within the European Union structure. Berlin, 2006.
9. Guild E., Bigo D. Le visa: l'instrument de mise à distance des indésirables // Cultures & Conflits. 2003. № 49. P. 82—95.
10. Guild E., Bigo D. Schengen et la politique des visas // Ibid. P. 5—21.
11. Guild E., Bigo D. Les pratiques quotidiennes de la coopération consulaire // Ibid. P. 96—123.
12. Guiraudon V. Logiques et pratiques de l'État délégateur: les compagnies de transport dans le contrôle migratoire à distance // Ibid. 2002. № 45. P. 51—79.
13. Council recommendation of 30 November 1994 concerning a specimen bilateral readmission agreement between a Member State and a third country // Official Journal of the European Union. 1996. 19 Sept. № C 274. P. 20—24.
14. Council recommendation of 24 July 1995 on the guiding principles to be followed in drawing up protocols on the implementation of readmission agreements // Ibid. P. 25—33.
15. Roig A. EC readmission agreements: a re-evaluation of the political impasse // European Journal of Migration and Law. 2007. Vol. 9, № 3. P. 363—387.
16. Readmission agreements and EC external migration law. Statewatch article RefNo# 6762. URL: <http://database.statewatch.org/article.asp?aid=6762> (дата обращения: 29.05.2011).
17. Gammeltoft-Hansen T. The extraterritorialisation of asylum and the advent of «protection lite». URL: <http://www.diis.dk/graphics/Publications/WP2007/wp%202007-2-til%20web.pdf> (дата обращения: 05.06.2011).
18. Convention relative à la détermination de l'État responsable de l'examen d'une demande d'asile présentée dans l'un des États membres des Communautés européennes — Convention de Dublin // Journal officiel des Communautés européennes. 1997. 19 août. № C 254. P. 1—12.
19. Council resolution of 30 November 1992 on a harmonized approach to questions concerning host third countries. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86c3094.html> (дата обращения: 08.06.2011).
20. Lavenex S. Safe third countries. Extending EU asylum and immigration policies to Central and Eastern Europe. Budapest, 1999.
21. Conclusions on countries in which there is generally no serious risk of persecution. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86c6ee4.html> (дата обращения: 08.06.2011).
22. Council resolution of 30 November 1992 on manifestly unfounded applications for asylum. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86bbcc4.html> (дата обращения: 08.06.2011).
23. Oakley S. Accelerated procedures for asylum in the European Union. Fairness versus efficiency. URL: <http://www.sussex.ac.uk/migration/documents/mwr43.pdf> (дата обращения: 14.06.2011).

Об авторе

Рябов Юрий Александрович, соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, аналитик, Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад» (Санкт-Петербург).

E-mail: yuriryab@yandex.ru

THE EXTERNALISATION OF MIGRATION CONTROL
IN THE EUROPEAN UNION: FIRST STEPS TOWARDS
THE EXTERNAL DIMENSION OF THE SPACE OF FREEDOM,
SECURITY AND JUSTICE

Yu. A. Ryabov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, Vernadskogo prospect, Moscow, 119571, Russia*

Received 27 July 2011

Over the last two decades, the formation of the space of freedom, security, and justice has been one of the most dynamic fields of European integration. At the same time, of special interest are the external aspects of this process, which affect not only the internal development of the European Union, but also a significant number of third countries, including Russia. This article considers efforts towards control over the flow of immigrants and refugees as an important component of the external dimension of the space of freedom, security, and justice – an independent vector of the external policy of the integration alliance. This article uses as the theoretical framework the works of representatives of the Paris school of security studies, which conceptualized the ideas of a set of threats to the European Union in the form of postulated link between immigration, terrorism, granting of asylum, crime rate, and ethnic-related unrest. In its turn, the externalization of the said threats (i. e. granting them the status of threats external to the EU) is considered as a key prerequisite for further actions aimed at their neutralization beyond the integration alliance (externalization of migration control). Furthermore, this article systematizes the ideas of actions taken by the EU as an actor of international relations in order to limit the flow of immigrants and refugees from the late 1980s until supranational authorities were vested formal competence in the field of justice and internal affairs. The article also leads to the conclusion that, in the 1990s, the EU shaped the bases of policy, which helped shift a part of the burden of providing security onto third countries.

Key words: immigration, asylum, externalisation of migration control, visa, safe third country, safe country of origin.

References

1. Kosov, Ju. V. 2008, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*, no. 3, pp. 46—50.
2. Bigo, D. 1996, *Polices en réseaux. L'expérience européenne*. Paris, Presses de Sciences Po.
3. Lavenex, S. 2006, *West European Politics*, vol. 29, no. 2, pp. 329—350.
4. Guild, E., Bigo, D. 2003, *Cultures & Conflits*, no. 49, pp. 22—37.
5. Icard, P. 2003, *Revue du droit de l'Union européenne*, no. 2, 409—456.
6. Convention d'application de l'Accord de Schengen du 14 juin 1985 entre les gouvernements des États de l'Union économique Benelux, de la République fédérale d'Allemagne et de la République française relatif à la suppression graduelle des contrôles aux frontières communes, 2000, *Journal officiel des Communautés européennes*. 22 septembre 2000, no. L 239, pp. 19—62.

7. King, M. 2001, *Cultures & Conflits*, no. 26—27, pp. 35—49.
8. Meloni, A. 2006, *Visa policy within the European Union structure*, Berlin, Springer.
9. Guild, E., Bigo, D. 2003, *Cultures & Conflits*, no. 49, pp. 82—95.
10. Guild, E., Bigo, D. 2003, *Cultures & Conflits*, no. 49, pp. 5—21.
11. Guild, E., Bigo, D. 2003, *Cultures & Conflits*, no. 49, pp. 96—123.
12. Guiraudon, V. 2002, *Cultures & Conflits*, no. 45, pp. 51—79.
13. Council recommendation of 30 November 1994 concerning a specimen bilateral readmission agreement between a Member State and a third country. In: *Official Journal of the European Union*, 1996, 19 September, no. C 274, pp. 20—24.
14. Council recommendation of 24 July 1995 on the guiding principles to be followed in drawing up protocols on the implementation of readmission agreements. In: *Official Journal of the European Union*, 1996, 19 September, no. C 274, pp. 25—33.
15. Roig, A. 2007, *European Journal of Migration and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 363—387.
16. Readmission agreements and EC external migration law. Statewatch article RefNo# 6762. available at: <http://database.statewatch.org/article.asp?aid=6762> (accessed 29 May 2011).
17. Gammeltoft-Hansen, T. The extraterritorialisation of asylum and the advent of «protection lite». available at: <http://www.diis.dk/graphics/Publications/WP2007/wp%202007—2-til%20web.pdf> (accessed 5 June 2011).
18. Convention relative à la détermination de l'État responsable de l'examen d'une demande d'asile présentée dans l'un des États membres des Communautés européennes — Convention de Dublin, 1997, *Journal officiel des Communautés européennes*. 19 août, no. C 254, pp. 1—12.
19. Council resolution of 30 November 1992 on a harmonized approach to questions concerning host third countries. available at: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86c3094.html> (accessed 8 June 2011).
20. Lavenex, S. 1999, *Safe third countries. Extending EU asylum and immigration policies to Central and Eastern Europe*, Budapest, Akaprint.
21. Conclusions on countries in which there is generally no serious risk of persecution. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86c6ee4.html> (accessed 8 June 2011).
22. Council resolution of 30 November 1992 on manifestly unfounded applications for asylum. available at: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86bbcc4.html> (accessed 8 June 2011).
23. Oakley, S. 2007, Accelerated procedures for asylum in the European Union. Fairness versus efficiency. available at: <http://www.sussex.ac.uk/migration/documents/mwp43.pdf> (accessed 14 June 2011).

About author

Yury A. Ryabov, PhD student, North-West Academy of Public Administration; analyst, the Centre for Strategic Research “North-West” (Saint Petersburg).
E-mail: yuriryab@yandex.ru